

стаў сярод беларускіх лічылак сведчыць аб этнаграфічных асаблівасцях беларусаў, іх культурна-гістарычных сувязях з іншымі народамі. Напрыклад, лічылкі з румынскімі лічэбнікамі былі хутчэй за ўсё запазычаны ў цыган, якія вялі вандроўны спосаб жыцця. Лічылкі з лацінскім тэкстам, верагодна, былі складзены ў сярэднія вякі бурсакамі. Але часта факты гавораць за тое, што гэта першапачаткова былі кавалкі малітвенных тэкстаў (пра гэта сведчыць часты паўтор слоў *deos* і інш.). А лічылкі з нямецкімі лічэбнікамі з'явіліся ўжо ў больш позні час. У прыватнасці, даволі распаўсюджаны на тэрыторыі Беларусі лічылкі з элементамі мовы ідыш, таму што амаль у кожнай вёсачцы жыў карчмар-яўрэй, які меў вялікае сямейства, і яго дзеці гулялі разам з дзецьмі-беларусамі. Дзіўным падаецца тое, што сярод лічылак не сустракаюцца тэксты, якія сведчаць аб запазычанні з балтыйскіх моў (асабліва з літоўскай, якая доўгі час існавала побач з беларускай у рамках адной дзяржавы). Самымі старажытнымі, відавочна, з'яўляюцца спрадвечна славянскія лічылкі, у складзе якіх прадстаўлены трансфармаваныя славянскія лічэбнікі. Яны, як гэта ўжо адзначалася, узыходзяць да язычніцкіх часоў і звязаны з абрадавымі тэкстамі.

Зробленыя высновы могуць стаць падставай для грунтоўнага вывучэння іншых напрамкаў гэтай праблемы.

¹ Гл.: P i s a r k o w a K. Wyliczanki polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. 1975. S. 9.

² Русское народное поэтическое творчество. М., 1986. С. 121.

³ Можна таксама суаднесці з польскім парадкавым лічэбнікам *szósty* 'шосты', ж. р. *szósta*.

А. К. КИКЛЕВИЧ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОЛЬСКОГО МЕСТОИМЕНИЯ *cały* *

Основные компоненты содержания русской лексики *целый*, функционирующей в качестве общего квантора, которые выделяются в различных семантических исследованиях, можно сгруппировать в два класса:

1. НОМИНАТИВНЫЕ признаки квантора *целый* (т. е. непосредственно выражаемые им в варьирующихся контекстах):

а) значение абсолютной квантификации, которое проявляется в возможности трансформации большинства предложений с *целый* (подобно предложениям с *весь*) в экзистенциальное предложение с отрицанием предиката;

б) оценочное значение 'больше ожидаемого'; по этому признаку *целый* отличается от *весь*, который данного значения не выражает.

2. ДИСТРИБУТИВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ признаки (т. е. такие, которые квантор *целый* аккомодирует в содержании своих дистрибутивных партнеров):

а) неоднородность определяемого квантором множества предметов; по этому признаку *целый* противопоставлен *весь*, ср.: *весь песок* — **целый песок*;

б) немаркированный (дискретный либо солидарный) тип взаимодействия предиката и множественного актанта, ср.: *В фойе собралась целая толпа* (солидарность) — *Вся толпа ринулась в фойе* (дискретность);

в) минимальная (по сравнению с другими кванторами) эксплицитность внутренней формы имени множества; например, в сочетании *целый*

* Данная работа является продолжением статьи «К семантике местоимения *целый*»¹ и отличается от предыдущей, помимо материала, тем, что некоторые факты польского языка будут исследованы в сопоставительном аспекте.

дом в имени множества отсутствует прямое указание на элементы множества, ср.: *все дома*;

г) неопределенность множества предметов, ср.: *весь этот город* — **целый этот город, вся Москва* — **целая Москва*.

Теперь атрибутируем данные семантические признаки относительно польских местоимений *wszystek* и *cały*, фиксируя, главным образом, основные различия с их русскими соответствиями.

Во-первых, выражая абсолютную квантификацию, *cały*, как и *wszystek*, преимущественно не обладает оценочным значением 'больше ожидаемого', ср.: «*Układa się listę orszaku i dwór cały tylko tym zajęty*» (Р. Каруściński), где *dwór cały* означает 'весь двор'. Оценочное значение 'больше ожидаемого' появляется в содержании *cały* лишь эпизодически и, как правило, в таких случаях выступает как контекстуально либо ситуативно обусловленное. Одним из таких контекстов являются синтаксические конструкции типа *Nie X, lecz cały Y*, ср.: *To nie obiad, lecz cała uczta*.

Сказанное верно лишь относительно форм ед. ч. лексемы *cały*. Для форм мн. ч. оценочное значение 'больше ожидаемого', напротив, наиболее характерно, ср.: *całymi godzinami* — *целыми часами*, *całe pięć miesięcy* — *целых пять месяцев*, *całe góry* — *целые горы* и т. д. Исключения составляют только сочетания с названиями стран *Niemcy*, *Węgry*, *Włochy*, например: *całe Niemcy* — *вся Германия* (ср.: *wszyscy Niemcy* — *все немцы*), а также конструкция *z całych sił* — *изо всех сил* и некоторые другие.

В целом формы ед. ч. и мн. ч. лексемы *cały*, в отличие от русского языка, где сохраняется общность лексической семантики в парадигме местоимения *целый*, выступают как омонимичные.

Во-вторых, если в русском языке по признаку неоднородности квантифицируемого множества местоимения *целый* и *весь* противопоставляются как маркированная и немаркированная формы, то в польском эта оппозиция носит скорее всего иной характер: квантор *cały* как единица, маркирующая неоднородность множества, противопоставлен квантору *wszystek*, маркирующему однородность множества², ср.: *cały dwór, wszystkie piasek, wszystkie woda, wszystko złoto*. Впрочем, данное противопоставление не является абсолютно строгим, поскольку, с одной стороны, *cały* (хотя и исключительно редко) может употребляться в качестве квантора однородного множества, например: «*Każdy ptak, każde stworzenie, każdy promień słońca, każdy kamyczek, cała ziemia, cała woda, całe powietrze, całe niebo, wszystko*» (Е. Stachura); «*Roman T. poradził Henrykowi S., aby nie zabierał ze sobą całego złota...*» («*Życie Warszawy*». 16.12.1982). С другой стороны, существуют сочетания *wszystek* с именами неоднородных множеств, принадлежащие, как правило, сфере разговорной речи, например: «*Wreszcie nachyliła się i wszystko w uśmiech przeistoczona poczęła całować jego białe czoło*» (S. Żeromski); «*On zeżre wszystkie mój posiłek*» (W. Żukrowski); «*No, dawaj. Wszystkie rzecz razem*» (M. Hłasko).

Отсутствие строгой оппозиции между *cały* и *wszystek* по признаку однородности / неоднородности множества наиболее очевидно в контекстах, где данные кванторы сочетаются с именами, имеющими однотипную референциальную характеристику, что допускает их субституцию, ср.: «*Dzień wszystkiej mej nadziei, całego czekania*» (J. Tuwim).

В-третьих, в отличие от русского *целый*, польский квантор *cały* не характеризуется обязательной сочетаемостью с неопределенными множествами, а напротив, значительно активнее употребляется в конструкциях с определенными множественными актантами, например: «*A on samotny, milczący, odciął się od tego całego jarmarku*» (A. Kuśniewicz).

Дистрибутивное значение неопределенности множества и оценочное значение 'больше ожидаемого' в содержании квантора *cały* формируются в тексте, причем важно, что они взаимосвязаны и первое имплицитно второе. Рассмотрим два предложения из прозы Р. Капустинского:

(1) Łatwo poznać po sposobie chodzenia i mówienia, kto został powołany do orszaku, gdyż z takiej okazji tworzyła się, choćby krótkotrwała, orszakowa hierarchia, która zaczynała żyć obok hierarchii dojsć i hierarchii tytułów, bo pałac nasz tworzył całą wiązkę, cały snop hierarchii...

(2) ...I dlatego pan nasz skarcił urzędników, którzy dla własnej wyгоды i próżności, miał po trochu, małymi mieszkami ciężarów dokładać, od razu, wyniośle spróbowali rzucić na plecy cały wóг.

В обоих случаях квантифицированные множества, обозначаемые существительными *wiązka*, *snop*, *wóг*, являются неопределенными и вводятся в текст одновременно с квантором *cały*. Значению неопределенности квантифицируемого множества сопутствует оценочная семантика квантора, что отражается в русском переводе с польского: при условии максимального сохранения смысла исходных предложений квантор *cały* в обоих случаях следовало бы перевести как *целый*, а не как *весь*:

(1а) *По походке и манере говорить легко узнать, кто вошел в состав свиты, потому что по такому случаю создавалась пусть временная, но иерархия приближенных, которая начинала жить рядом с иерархией посещений и иерархией титулов, так как дворец наш являлся целым пучком, целым снопом иерархий...*

(2а) *...И поэтому господин наш выругал чиновников, которые для собственной выгоды и тщеславия, вместо того, чтобы прибавлять тяжести понемногу, небольшими порциями, сразу надменно решили бросить на спину целый мешок.*

Иногда в условиях ограниченного контекста установить определенность / неопределенность множественного актанта затруднительно, тогда в качестве переводных эквивалентов польского *cały*, если не существует никаких дополнительных ограничений, могут выступать и квантор *целый*, и квантор *весь*, например: «Po pierwsze, i to jest rzecz zasadnicza: praca więźnia musi być wkomponowana w cały system powszechnego, normalnego prawa prasy» («Polityka». 1989. N 44). Ср. в русском переводе: *Труд заключенного должен быть вкомпонован в целую систему трудового законодательства* (если об этой системе прежде в тексте не было речи) и *Труд заключенного должен быть вкомпонован во всю систему трудового законодательства* (если об этой системе уже шла речь или она известна слушающему как элемент его прагматической пресуппозиции).

Специфика местоимения *cały* как в множестве кванторов польского языка, так и на фоне его русского соответствия *целый* проявляется также в области грамматики³. Основным источником информации при рассмотрении этого вопроса для нас послужит таблица 1, в которой приводятся данные о суммарных количествах употреблений кванторов *cały* и *wszystek* (в различных формах числа, рода и лица), полученные в результате экскерпции методом сплошной выборки из текстов десяти современных польских писателей (Е. Брошкевича, Я. Ивашкевича, М. Кунцевичовой, В. Жукровского, С. Лема, Т. Новака, Э. Стахуры, М. Новаковского, Г. Панаса, Б. Шульца), по 150 предложений с названными кванторами из каждого текста (в целом база данных составлена из 1500 словоупотреблений *cały* и *wszystek*).

Данные таблицы 1 позволяют сделать следующие выводы.

1. В польской грамматике имеется специфическая категория мужского лица, которая охватывает практически все знаменательные части речи, в том числе и местоимения. Во мн. ч. различаются словоформы *wszyscy* (которая маркирует значение мужского лица) и *wszystkie* (которая обладает женско-вещным значением). Ср.: *wszyscy panowie*, *wszyscy państwo* — *wszystkie panie*. При этом, поскольку по объему квантифицируемого множества *wszyscy* выражает более широкое значение (может соотноситься с множествами, в которых лица мужского пола составляют лишь их часть), то последовательное использование в тексте (и в предложении) кванторов *wszyscy* и *wszystkie* для указания на элементы одного и того же множества некорректно из-за тавтологии, ср.:

Таблица 1

Квантор	Количество словоупотреблений		
	в функции актанта	в функции атрибута	всего
wszystek	0	0	0
wszystka	0	2	2
wszystko	602	0	602
wszystkie	0	244	244
wszyscy	146	36	182
cały (l. p.)	0	412	412
całe (l. m.)	0	55	55
wszego	0	2	2
wszyściuteńko	1	0	1
Всего	749	751	1500

*On tu zna wszystkich i wszystkie. Вместе с тем вполне допустима конструкция типа On tu zna wszystko i wszystkich, где wszyscy противопоставляется словоформе ед. ч. wszystko как маркер особого значения персональности. Впрочем, запрет на конструкцию *On tu zna wszystkich i wszystkie имеет и другие основания. Дело в том, что, как вытекает из таблицы 1, форма wszystkie практически не употребляется в функции актанта (т. е. с предметной референцией), тогда как для формы wszyscy такое употребление, напротив, является наиболее распространенным.

Что касается квантора cały, то его парадигма фактически развертывается вне категории мужского лица, поскольку функциональной нагруженностью обладает лишь женско-вещная форма мн. ч. całe (całe pałace), а форма cali скорее принадлежит языковой системе, чем речи, — в нашей выборке не встретилось ни одного подобного примера⁴. Функциональная незагруженность формы cali имеет ту же природу, что и

Таблица 2

Лексико-грамматический разряд имени	Примеры	Количество словоупотреблений	
Абстрактные существительные	cała trudność cała uwaga cały szacunek	227	59%
В том числе со значением времени	cały czas całe lato cały dzień	80	21%
Конкретные существительные	cała droga cała wieś cały pokój	151	39%
Местоимения	(zwrężył) ją całą (widzę) ją całą (odczuć) jego całego	6	2%

ограничения, накладываемые на сочетаемость русского *целый* с именами одушевленных предметов⁵.

2. Языковая специфика квантора *cały* проявляется также в области его синтаксического функционирования. Данные таблицы 1 свидетельствуют, что *cały* употребляется в предложении только в семантической функции атрибута, при этом из 416 словоупотреблений в выборке в 384 случаях *cały* находится в позиции приименного атрибута (92 %) и в 32 случаях — в позиции приглагольного атрибута (8 %). Примером приименной позиции может служить предложение *Cały tydzień nie pracowałem*, а примером приглагольной позиции — предложение *On był cały pokry*. Лексическая сочетаемость приименного квантора распределяется следующим образом: (см. табл. 2).

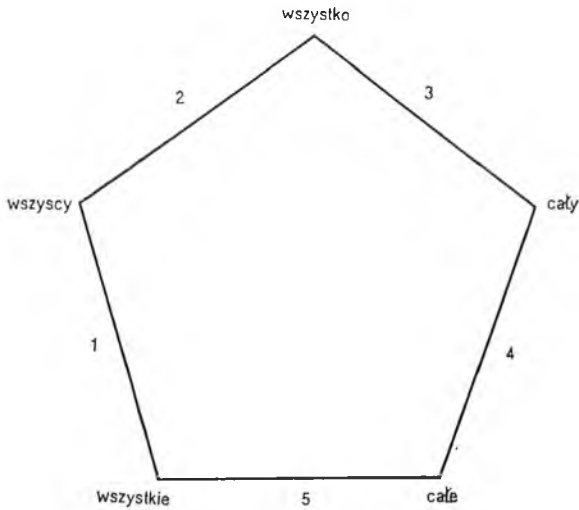
Наиболее широко распространены конструкции *cały* с абстрактными существительными, при этом самыми устойчивыми являются сочетания с именами, выражающими значение времени. Обращает на себя внимание также наличие в группе дистрибутивных партнеров квантора *cały* имен собственных (среди конкретных существительных) и местоимений, что вовсе не характерно для русского *целый*. Это объясняется ориентацией польского *cały* на сочетаемость с единицами, выражающими значение определенности (см. выше).

Сопоставим синтаксическое функционирование кванторов *cały* и *wszystek* (см. табл. 1). В отличие от *cały*, который, как указывалось выше, выступает в предложении только в качестве атрибута, *wszystek*, напротив, в формах всех трех родов преимущественно употребляется как актант. Исключения составляют лишь два случая употребления словоформы *wszystka* в конструкциях *wszystka woda*, *wszystka krew*. Это дает основание утверждать, что кванторы *cały* и *wszystko*, выражая одно и то же лексическое значение, выступают как формы, предназначенные для реализации этого значения при различных семантических функциях и синтаксических позициях в предложении. Если оппозиция *wesć* — *cały* в русском языке носит лексико-семантический характер и мы имеем дело именно с двумя различными лексемами, то в польском языке, по существу, мы имеем дело с особым функционально-синтаксическим супплетивизмом — когда одно и то же лексическое значение в разных синтаксических позициях выражается с помощью разных лексем. Каждому из кванторов при такой интерпретации может быть приписано соответствующее синтаксическое употребление: *wszystek* — в качестве актанта пропозиции, в приглагольной позиции; *cały* — в качестве атрибута, в приименной позиции. Следует оговорить, что, поскольку лексические значения *cały* и *wszystek* совпадают не целиком (в частности, отдельные употребления *cały* сопровождаются оценочной семантикой, которой нет у *wszystek*), то данный супплетивизм не носит строго регулярного характера. Учитывая это, можно было бы говорить о том, что *wszystek* является начальной, исходной формой, а *cały* — вторичной, производной формой.

В ином отношении находятся словоформы *wszystkie* и *całe*. Как единицы, выражающие мн. ч. и женско-вещное значение, данные кванторы противопоставлены по своим лексическим значениям: *całe* независимо от контекста передает оценочную семантику 'больше ожидаемого', а *wszystkie* такой семантики полностью лишен.

Последний вопрос будет касаться строения микросистемы, которую составляют словоформы кванторных лексем *wszystek* и *cały* с точки зрения их функциональных признаков. Именно функциональный характер данной системы обуславливает, с одной стороны, отсутствие в ней функционально ненагруженных словоформ ед. ч. и мн. ч. *wszystek*, *wszystka* и *całi*. С другой стороны, функциональная природа предлагаемой языковой структуры разрешает включение в ее рамки оппозиций, в основании которых лежат признаки, относящиеся к разным уровням языка (семантико-синтаксические, лексико-семантические и, в меньшей мере, морфологические).

Рассматриваемая лексическая микросистема имеет вид множества (подчеркнем: закрытого множества) бинарных оппозиций, последовательно развертывающихся от одного элемента к другому:

Охарактеризуем каждую из оппозиций:

1. *Wszystkie* — *wszyscy*: оппозиция по мужскому лицу в позиции атрибута. Имеет небольшую функциональную нагрузку, поскольку употребления *wszyscy* в данной позиции составляют лишь 1/7 часть от числа аналогичных употреблений *wszystkie*. Поэтому данная оппозиция может быть представлена и по другому основанию — как противопоставление формы квантора *wszystek* во мн. ч., которая используется исключительно в функции атрибута, форме того же квантора в том же числе, которая функционирует преимущественно в качестве актанта.

2. *Wszyscy* — *wszystko*: оппозиция по признаку персональности. Различие по числу является не референциальным, а дистрибутивным.

3. *Wszystko* — *cały*: оппозиция по синтаксической функции актанта и атрибута.

4. *Cały* — *całe*: оппозиция по лексическому значению: второй член оппозиции обладает оценочным значением 'больше ожидаемого', а первый — им не обладает.

5. *Całe* — *wszystkie*: оппозиция по лексическому значению, аналогичная предыдущей, но в отличие от нее не сопровождающаяся различием по грамматическому числу.

Для первых трех оппозиций основой для сопоставления словоформ служит полное равенство их лексической семантики, для четвертой оппозиции — их лексическое тождество (мы имеем дело с омонимичными формами ед. ч. и мн. ч.), а для пятой оппозиции — общность кванторной семантики — обе словоформы являются маркерами абсолютной квантификации.

¹ См.: Киклевич А. К. К семантике местоимения *cały* // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 4. 1991. № 3.

² См.: Gaertner H. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Cz. II. Lwów; Warszawa, 1933.

³ Некоторые грамматические особенности *cały* рассмотрены нами ранее в докладе на научной конференции «Русско-белорусско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение» (Витебск, 1990).

⁴ В качестве прилагательного со значением 'неповрежденный' *cały* образует форму муж. л. мн. ч. достаточно свободно.

⁵ См.: Киклевич А. К. Указ. соч.